

«Право собственности» происходит из (римского) рабства

 socialcompas.com/2017/05/20/pravo-sobstvennosti-proishodit-iz-rimskogo-rabstva/

wolf_kitses

Изображение Свободы известно, главным образом, по монетам времён империи: она представлялась или в виде женщины, держащей в левой руке копьё или рог изобилия, а в правой — шапку (лат. *pileus*), олицетворявшую отпущение на волю, или в виде бюста, с характерной причёской на голове (изображение на денарии 42 г.)

Давид Гребер

«...Немецкий теоретик права Рудольф фон Иеринг отмечал, что Древний Рим завоевал мир трижды: первый раз при помощи оружия, второй — при помощи религии, а третий — посредством законов^{197}. Он мог бы добавить: каждое новое завоевание оказывалось основательнее предыдущего. В конце концов, империя простерлась лишь на небольшую часть земного шара; римская католическая церковь распространилась шире; а римское право создало язык и концептуальные основы юридического и конституционного порядка повсюду. Студенты-юристы от Южной Африки до Перу должны подолгу зазубривать технические термины на латыни, и именно римское право создало почти все наши базовые понятия, касающиеся контрактов, обязательств, правонарушений, собственности и юрисдикции, а также — в более широком смысле — гражданства, прав и свобод, на которых основана политическая жизнь.

По мнению Иеринга, это стало возможным потому, что римляне первыми превратили юриспруденцию в настоящую науку. Возможно — но тем не менее в римском праве есть хорошо известные странные черты, а некоторые из них настолько отвратительны, что вызывают замешательство у юристов, с тех пор как в Средние века римское право возродилось в итальянских университетах. Самой известной его чертой является уникальное определение права. В римском праве собственность, или *dominium*, — это отношение между человеком и вещь, которое

характеризуется полной властью человека над этой вещью. Это определение породило бесчисленные концептуальные проблемы. Прежде всего, неясно, что означает для человека иметь «отношения» с неодушевленным предметом.

Люди могут иметь отношения друг с другом. Но что означает иметь «отношения» с вещью? И если это возможно, то что означает придание этим отношениям правосубъектности? Достаточно привести простой пример: представьте человека, оказавшегося на необитаемом острове. Он может установить чрезвычайно личные отношения, скажем, с пальмами, которые растут на острове. Если он пробудет на острове долгое время, он, возможно, даст им имена и половину своего времени будет посвящать воображаемым беседам с ними. Но *владеет* ли он ими? Бессмысленный вопрос. Нет нужды заботиться о правах собственности, если там больше никого нет.

Значит, собственность — это не отношения между человеком и вещью. Это понимание или соглашение между людьми относительно вещей. Единственная причина, по которой мы иногда этого не замечаем, состоит в том, что во многих случаях — особенно когда мы говорим о наших правах на свою обувь, машину или станок — мы говорим о правах «против всего мира», как это формулируется в английском праве, т. е. о соглашениях между нами и всеми остальными людьми на планете о том, что они будут воздерживаться от вмешательства в наши имущественные дела и, следовательно, позволят нам обращаться со своей собственностью по нашему усмотрению. Отношения между одним человеком и всеми остальными людьми на планете, разумеется, трудно помыслить. Проще представить их как отношения с вещью. Но и здесь на практике свобода делать то, что нам заблагорассудится, сильно ограничена. Разумеется, абсурдно утверждать, что обладание бензопилой дает мне «полную власть» делать все, что я захочу. Почти все, что я решу делать при помощи бензопилы за пределами моего дома или земли, скорее всего, будет незаконным, и есть лишь ограниченное число вещей, которые я могу делать с ее помощью внутри дома. Единственный «абсолютный» аспект моих прав относительно бензопилы состоит в моем праве не позволять кому-либо *другому* ею пользоваться[256].

Тем не менее римское право утверждает, что основной формой собственности является частная, которая заключается в полной власти владельца делать со своим имуществом все, что ему заблагорассудится. Юристы XII века усовершенствовали эту формулировку, разделив ее на три принципа: “*usus*” (использование вещи), “*fractus*” (плоды, т. е. пользование плодами, которые приносит вещь) и “*abusus*” (злоупотребление вещью или ее уничтожение); но римские юристы и не думали о таких тонкостях, поскольку для них они лежали за пределами сферы права. На самом деле ученые потратили массу времени на споры о том, действительно ли римские авторы считали частную собственность правом (“*jus*”)[257], — просто потому, что права в основе своей исходили из договоренностей между людьми, а право распоряжаться своей собственностью — нет: оно лишь было природной способностью поступать по своему усмотрению там, где социальные препятствия к этому отсутствовали[258].

Если разобраться, это очень странная основа для того, чтобы развивать теорию имущественного права. Может, честнее сказать, что в любую историческую эпоху, в любой части света, будь то древняя Япония или Мачу-Пикчу, всякий, у кого была веревка, мог свободно ее вертеть, завязывать, рвать или бросать в огонь более или менее так, как ему хотелось. Нигде теоретики права не считали этот факт сколько-нибудь интересным или значимым. Ни одна традиция не превращает это в первооснову имущественного права, поскольку в противном случае все современное право стало бы не более чем рядом исключений.

Как так получилось? И почему? Самое убедительное объяснение из тех, что я видел, предлагает Орландо Паттерсон [автор книги «Рабство и социальная смерть»]: понятие полной частной собственности на самом деле проистекает из рабства. Собственность можно представлять не как отношения между людьми, а как отношения между человеком и вещью в том случае, если в их основе лежат отношения между двумя индивидами, один из которых также является вещью. (Так рабы определялись в римском праве: они были людьми, которые также были “*res*”, т. е. вещами[259].) Тогда и акцент на полной власти обретает смысл[260].

Слово “*dominium*”, означающее полную частную собственность, не было особенно древним[261]. В латыни оно появилось только во времена поздней Республики, как раз когда в Италию хлынул поток из сотен тысяч пленных работников, превративший Рим в настоящее рабовладельческое общество[262]. К 50 году до н. э. римские писатели уже считали, что рабочие, будь то сельскохозяйственные рабочие, собирающие горох на загородных плантациях, погонщики мулов, доставляющие этот горох в городские лавки, или конторщики, ведущие его учет, были чьей-то собственностью. Существование миллионов существ, которые были одновременно и людьми, и вещами, создавало бесконечные юридические проблемы, и немало усилий творческого гения римского правоведения ушло на анализ множества различных ситуаций. Достаточно раскрыть любой сборник римского права, для того чтобы это обнаружить. Вот отрывок из Ульпиана, юриста II века:

Мела пишет: если во время метания дротиков кто-либо бросил дротик слишком сильно и дротик попал в руку цирюльника, вследствие чего бритва разрешила горло раба, которого брил цирюльник, то отвечает по Аквилиеву закону (закон о возмещении убытков) тот, на ком лежит вина. Прокул говорит, что вина имеется на стороне цирюльника и, конечно, если он брил там, где обычно происходят игры или ходит много народа, то это нужно вменить ему в вину; хотя неплохо говорится, что если кто-либо вверил себя цирюльнику, поставившему свой стул в опасном месте, то он должен сам на себя жаловаться¹.

Иными словами, хозяин не может требовать возмещения убытков от метателей дротиков или от цирюльника за уничтожение имущества, если проблема на самом деле заключалась в том, что он купил глупого раба. Многие из этих споров кажутся нам весьма экзотичными (могут ли вас обвинить в воровстве, если вы просто склонили раба к бегству? Если кто-то убил раба, который также был вашим сыном,

можете ли вы учитывать свою личную привязанность к нему при подсчете размера убытков или вы должны ограничиться его рыночной стоимостью?), но наша современная юридическая традиция во многом основывается на этих спорах^{199}.

Что касается понятия "*dominium*", то оно происходит от слова "*dominus*", которое означает «хозяин», или «рабовладелец», но восходит к слову "*domus*", т. е. «дом», или «хозяйство». С этим связан английский термин "*domestic*" («домашний»), который даже сегодня может использоваться в значении «относящийся к частной жизни» или же обозначать слугу, убирающего дом. "*Domus*" перекликается со словом "*familia*", т. е. «семья», но — и это, возможно, будет интересно узнать защитникам «семейных ценностей» — "*familia*" происходит от слова "*famulus*", т. е. «раб». Изначально под семьей понимались все люди, находившиеся под домашней властью "*pater familias*", которая была, по крайней мере в раннем римском праве, абсолютной[263]. У мужчины не было полной власти над женой, поскольку она до некоторой степени по-прежнему оставалась под защитой своего отца, но с детьми, рабами и другими зависимыми людьми он мог делать все, что ему вздумается, — во всяком случае, в раннем римском праве он был волен их пороть, пытать или продавать. Отец мог даже казнить своих детей, если обнаруживал, что они совершили тяжкое преступление[264]. А если дело касалось рабов, то ему не требовалось и этого предлога.

Создавая понятие "*dominium*", которое легло в основу современного принципа частной собственности, римские юристы обратились к принципу домашней власти, полной власти над людьми, определили некоторых из этих людей (рабов) как вещи, а затем распространили логику, которая изначально применялась по отношению к рабам, на гусей, колесницы, амбары, ювелирные шкатулки и т. д., т. е. на любую вещь, имеющую отношение к праву.

Даже в Древнем мире право отца казнить своих рабов и уж тем более своих детей выглядело довольно необычно. Не вполне ясно, почему в раннюю эпоху римляне доходили до таких крайностей. Показательно, однако, что самый ранний римский закон о долгах был необычайно суровым и позволял кредиторам казнить неплатежеспособных должников[265]. Ранняя история Рима, как и греческих городов-государств, была отмечена постоянной политической борьбой между кредиторами и должниками, пока римская элита не постигла принцип, который давно был известен наиболее успешным элитам Средиземноморья: свободное крестьянство дает более эффективную армию, а мощная армия обеспечивает военнопленных, которые могут делать все, что раньше делали долговые рабы, а значит, социальный компромисс, предполагавший ограниченное народное представительство, запрет долгового рабства и направление части доходов империи на социальные выплаты, был в их интересах. Вероятно, полная власть отца получила развитие как часть всей этой совокупности мер, так же как это было в других местах. Долговая кабала сводила семейные отношения к отношениям собственности; социальные реформы ограничили новую власть отцов, но дали им защиту от долгов. В то же время растущий приток рабов вскоре позволил даже скромным домохозяйствам иметь невольников. Это означало, что логика

завоевания распространилась на все стороны повседневной жизни. Покоренные люди наполняли римлянам ванну и стригли им волосы. Покоренные учителя учили римских детей поэзии. Поскольку рабы были сексуально доступны хозяевам и членам их семей, равно как и их друзьям и гостям, приходившим на ужин, вполне вероятно, что у большинства римлян первый сексуальный опыт был с мальчиком или девочкой, которые по своему юридическому статусу считались поверженными врагами[266].

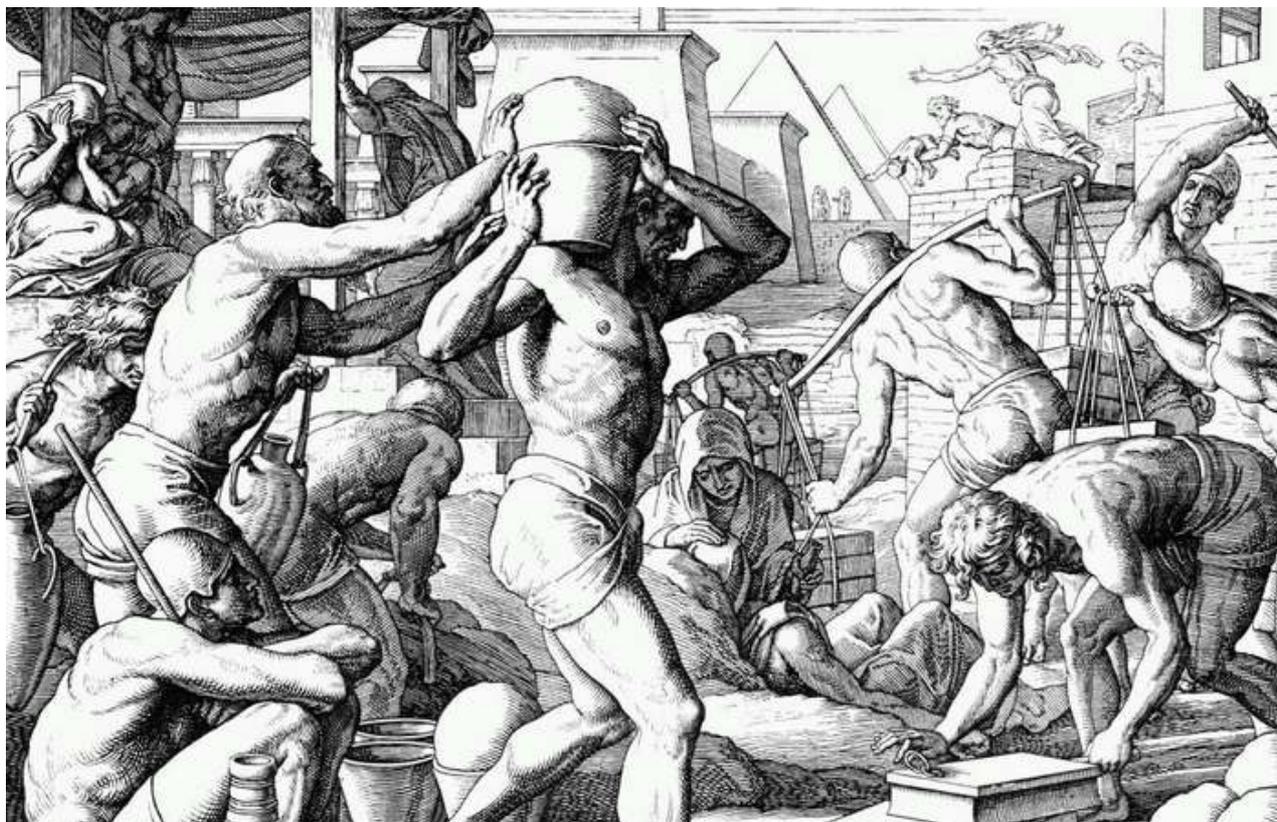
Со временем это все больше превращалось в юридическую фикцию: на самом деле рабами все чаще становились бедняки, проданные своими родителями, несчастливцы, похищенные пиратами или бандитами, жертвы войн или судебных процессов среди варваров на границах империи или дети других рабов[267]. Однако фикция поддерживалась.

Столь необычным в историческом плане рабство в Риме стало благодаря сочетанию двух факторов. Первым был произвол. В отличие от, скажем, плантационного рабства в Америке здесь не существовало представления о том, что некоторые люди по природе своей неполноценны и потому должны быть рабами. Рабство рассматривалось как несчастье, которое может случиться с каждым[268]. Поэтому не было причин, по которым раб не мог превосходить своего хозяина в каком-либо отношении: он мог быть умнее, иметь более тонкие представления о нравственности, более развитый вкус и лучше разбираться в философии. Хозяин даже мог охотно это признавать. У него не было причин такое скрывать, поскольку это никак не влияло на характер отношений между ними, которые оставались просто отношениями власти.

Вторым фактором была абсолютная природа этой власти. Рабов много где считали военнопленными, а хозяев — завоевателями, полностью распорядившимися их жизнью и смертью; но обычно это было лишь абстрактным принципом. Почти везде правительства быстро ограничивали подобные права. По крайней мере, императоры и цари утверждали, что только они обладают властью приговаривать других к смерти[269]. Но в эпоху Республики в Риме не было императора; лицом, которому принадлежала суверенная власть, была совокупность самих рабовладельцев. Только в эпоху ранней Империи появилось законодательство, ограничивавшее то, что владельцы могли делать со своей (человеческой) собственностью: первым стал закон времен императора Тиберия (датированный 16 годом), который обязывал хозяина получить разрешение у судьи, прежде чем отдавать раба на публичное растерзание дикими животными[270]. Однако абсолютный характер власти хозяина — а в данном контексте *он и был* государством — также означал, что прежде всего не было никаких ограничений, касавшихся предоставления рабу вольной: хозяин мог освободить раба или даже усыновить его, благодаря чему тот автоматически становился римским гражданином, — ведь свобода ничего не значила, если человек не был членом данного сообщества. Из-за этого случались очень необычные казусы. Например, в I веке образованные греки нередко продавались в рабство какому-нибудь состоятельному римлянину, которому был нужен секретарь, отдавали полученные

деньги близкому другу или члену семьи и через некоторое время выкупали себя, получая тем самым римское гражданство. При этом, если в его бытность рабом хозяин решал, допустим, отрубить своему секретарю ноги, то мог совершенно спокойно это сделать[271].

Тем самым отношения “*dominus*” и раба привносили в домохозяйство отношения завоевания, абсолютной политической власти (более того, они стали основой домохозяйства). Важно подчеркнуть, что эти отношения с обеих сторон *не были нравственными*. Это ясно показывает хорошо известная юридическая формулировка, приписываемая Квинту Гатерию, римскому юристу эпохи Республики. В Риме, как и в Афинах, для мужчины считалось неподобающим стать объектом сексуального проникновения. Защищая вольноотпущенника, обвиняемого в том, что он продолжал оказывать сексуальные услуги своему бывшему хозяину, Гатерий сочинил афоризм, который позже превратился в своего рода сальную народную шутку: “*impudicitia in ingenuo crimen est, in servo necessitas, in liberto officium*” («стать объектом анального проникновения есть преступление для свободнорожденного, необходимость для раба и обязанность для вольноотпущенника»)[272]. Показательно, что сексуальное подчинение считается «обязанностью» только для вольноотпущенника. Оно не считается «обязанностью» для раба. А все потому, что рабство — это не нравственные отношения. Хозяин мог делать все что хотел, и раб ничего не мог с этим поделать.

***

Однако самым коварным следствием римского рабства стало то, что через римское право оно извратило наше представление о человеческой свободе. Значение римского слова “*libertas*” с течением времени сильно изменилось. Как и повсюду в

Древнем мире, быть «свободным» означало в первую очередь не быть рабом. Поскольку рабство подразумевает прежде всего уничтожение социальных связей и лишение человека возможности их налаживать, свобода означала возможность создавать и поддерживать нравственные обязательства по отношению к другим. Английское слово “free” («свободный»), например, происходит от германского корня, означающего «друг» (“friend”), поскольку быть свободным значило иметь возможность заводить друзей, выполнять обещания, жить в сообществе равных людей. Именно поэтому в Риме отпущенные на волю рабы становились гражданами: быть свободным по определению означало быть частью гражданского сообщества со всеми вытекающими отсюда правами и обязанностями². [273]

Однако ко II веку ситуация уже начала меняться. Юристы постепенно преобразовывали определение “libertas”, пока оно не стало практически неотличимым от власти хозяина, т. е. права делать все что угодно за исключением тех вещей, которые делать нельзя. В «Дигестах» определения свободы и рабства следуют одно за другим:

Свобода есть естественная способность каждого делать то, что ему угодно, если это не запрещено силой или правом.

Рабство есть установление права народов, в силу которого лицо подчинено чужому владычеству (dominium) вопреки природе [274].

Средневековые комментаторы усмотрели здесь проблему [275]. Не означает ли это, что каждый человек свободен? В конце концов, даже рабы вольны делать все то, что им позволено. Сказать, что раб свободен (за исключением тех случаев, когда это не так), — это то же самое, что сказать, что земля квадратная (за исключением тех случаев, когда она круглая), или что солнце синее (за исключением тех случаев, когда оно желтое), или же что у нас есть полное право делать все что угодно с нашей бензопилой (кроме тех вещей, которые мы делать не можем).

Это определение действительно порождает целый ряд сложностей. Если свобода естественна, то рабство противоестественно, но если свобода и рабство — это лишь вопрос степени, то не следует ли из этого, что все ограничения свободы до определенной степени противоестественны? Не предполагает ли это, что общество, социальные правила и даже права собственности тоже противоестественны? Именно к этому выводу приходили многие римские юристы, когда пускались в рассуждения на столь абстрактную тему — такое, правда, случалось редко. Изначально люди жили в естественном состоянии, в котором все вещи были общими; сначала мир разделила война, а вытекающее из нее «право народов», т. е. общие для всего человечества обычаи, регулирующие такие вопросы, как завоевание, рабство, договоры и границы, породило неравенство в собственности [276].

Это, в свою очередь, означало, что не было объективной разницы между частной собственностью и политической властью, поскольку власть основывалась на насилии. С течением времени римские императоры тоже стали претендовать на

нечто вроде *dominium*, утверждая, что в своих владениях они обладают полной свободой и не связаны законами[277]. В то же время римское общество перешло от республики рабовладельцев к устройству, которое все больше напоминало феодальную Европу последующих времен и при котором крупные землевладельцы жили в окружении зависимых крестьян, должников и самых разнообразных рабов, находившихся в их полной власти. Варварские завоевания, разрушившие империю, лишь придали законные формы этой ситуации, в значительной степени уничтожив рабство, но в то же время привнеся представление о том, что знать происходила от германских завоевателей, а простолюдины по природе своей должны были ей подчиняться.

Однако даже в этом новом, средневековом, мире сохранилось старое римское понятие свободы. *Свобода означала просто власть*. Когда средневековые политические теоретики говорили о «свободе», они, как правило, подразумевали право сеньора делать в своих владениях все, что ему заблагорассудится. Обычно считалось, что это не было установлено изначально каким-то соглашением, а проистекало из факта завоевания: одна известная английская легенда гласит, что когда около 1290 года король Эдуард I потребовал от феодальных сеньоров предъявить документы, показывавшие, по какому праву они обладали своими привилегиями (или «свободами»), то граф Варенн предъявил королю лишь покрытый ржавчиной меч³. Подобно римскому *dominium*, это было скорее не право, а власть, осуществлявшаяся прежде всего над людьми, — именно поэтому в Средние века часто говорили о «свободе виселицы», которая подразумевала право сеньора содержать собственное место для казни.

К XII веку, когда началась перцепция и модернизация римского права, термин “*dominium*” превратился в особую проблему, поскольку в обычной церковной латыни того времени он использовался наравне с «владением сеньора» и «частной собственностью». Средневековые юристы потратили немало времени и усилий, для того чтобы определить, различались ли эти два понятия. Очень щекотливая проблема, потому что, если права собственности были формой полной власти, как утверждали «Дигесты», то очень трудно понять, как им мог располагать кто-либо, помимо короля — или даже, по мнению некоторых юристов, Бога^{202}.

Не будем дальше описывать средневековые споры, но, на мой взгляд, важно закончить именно здесь, потому что мы сделали полный круг и теперь наконец можем понять, почему либералы вроде Адама Смита представляли себе мир так, а не иначе. Есть традиция, которая предполагает, что свобода в основе своей — это право делать со своей собственностью все что угодно. На деле это не только превращает собственность в право, но и придает самим правам форму собственности. В известном смысле в этом и заключается самый большой парадокс. Мы привыкли к мысли о том, что «у нас есть» права, что права — это нечто, чем можно обладать. Настолько, что мы редко задумываемся о том, что это может в действительности значить. На самом деле (и средневековые юристы прекрасно это осознавали) право одного человека — это всего лишь обязательство другого. Мое право на свободу слова — это обязательство другого не наказывать

меня за то, что я говорю; мое право на то, чтобы быть судимым коллегией присяжных, состоящей из равных мне людей, — это ответственность правительства по поддержанию системы гражданской обязанности быть присяжным. Здесь возникает та же проблема, что и с правами собственности: когда мы говорим об обязанностях каждого человека во всем мире, то представить это трудно. Намного проще говорить о «наличии» прав и свобод. Однако если свобода — это, в сущности, наше право владеть вещами или обращаться с вещами так, как будто они нам принадлежат, то что тогда значит «обладать» свободой — не значит ли это, что наше право на собственность *само* является формой собственности? Это выглядит слишком запутанно. Зачем это нужно формулировать таким образом?[278]

В исторической ретроспективе есть простой, хотя и несколько обескураживающий ответ. *Те, кто утверждал, что мы естественные владельцы наших прав и свобод, были заинтересованы прежде всего в том, чтобы показать, что мы вольны от них избавиться или даже их продать.*

Жан Жерсон (Jean Charlier de Gerson)

Современные представления о правах и свободах происходят от того, что вошло в историю как «теория естественного права». Ее основы около 1400 года заложил Жан Жерсон, ректор Парижского университета, отталкивавшийся от римских правовых концепций. Как давно заметил Ричард Так, крупнейший исследователей таких идей, одним из главных исторических курьезов было то, что к этой теории примыкали не прогрессивные умы той эпохи, а консерваторы.

«Для сторонника Жерсона свобода была собственностью, которой можно было обмениваться точно так же и на тех же условиях, что и любой другой собственностью»

— ее можно было продавать, менять, ссужать или добровольно уступать как-либо еще⁴. Из чего следовало, что в долговой кабале или даже в рабстве в принципе нет ничего дурного. Именно это и стали доказывать сторонники теории естественного

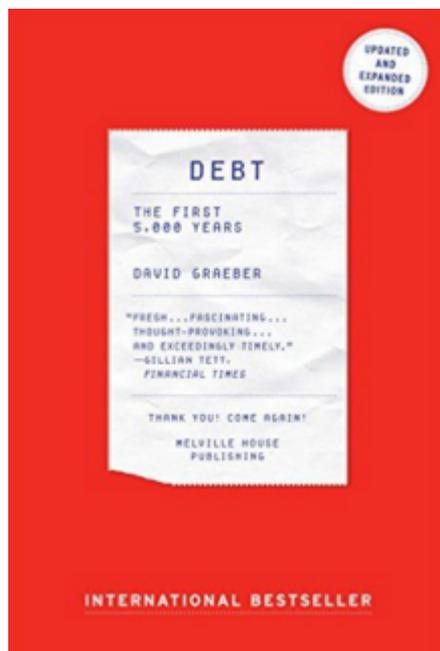
права. На протяжении следующих столетий эти идеи получили развитие прежде всего в Антверпене и Лиссабоне, которые стали центрами зарождающейся работорговли. В конце концов, говорили они, мы не знаем, что происходит в землях, лежащих вокруг Калабара, и нет никакой объективной причины считать, что большая часть человеческого груза, перевозимого европейскими судами, не продала себя сама, не была выдана своими законными опекунами или не лишилась свободы каким-либо иным, совершенно легальным способом. Конечно, были и исключения, но злоупотребления присущи любой системе. Важно, что нет ничего неестественного или незаконного в мысли о том, что свободу *можно* продать[279].

Очень скоро подобные аргументы стали использоваться для оправдания абсолютной власти государства. Томас Гоббс в XVIII столетии первым развил этот постулат, который быстро стал общим местом. Правительство рассматривалось как договор, своего рода деловое соглашение, в рамках которого граждане добровольно передают некоторые из своих естественных свобод монарху. Затем подобные идеи легли в основу нашей современной экономической жизни, поскольку наемный труд на деле представляет собой такую же сдачу в аренду нашей свободы, какой можно считать рабство в момент продажи человека[280].

Мы владеем не только нашими свободами; та же логика стала применяться к нашим телам, которые, согласно подобным концепциям, на самом деле не отличаются от домов, машин или мебели. Мы владеем собой, а значит, другие люди не могут нами злоупотреблять[281]. Это может показаться безвредным и даже положительным понятием, но все выглядит совсем иначе, если учитывать римскую традицию собственности, на которой оно основано. Говорить о том, что мы владеем собой, как ни странно, означает, что мы выступаем одновременно и в роли хозяина, и в роли раба. «Мы» и владельцы (имеющие полную власть над своей собственностью), и в то же время предметы обладания (подчиненные полной власти). Древнеримское домохозяйство не затерялось в тумане истории — напротив, оно сохранилось в нашем ключевом представлении о самих себе и, как и в имущественном праве, приводит к поразительно непоследовательным результатам, которые порождают бесчисленные парадоксы всякий раз, когда мы пытаемся понять, что же это означает на практике.

Подобно тому как юристы потратили тысячу лет, пытаясь придать смысл римским представлениям о собственности, философы сотни лет пытались понять, как мы можем находиться в отношениях господства с самими собой. Самое популярное решение, предполагающее, что у каждого из нас есть нечто под названием «разум», который полностью отделен от всего того, что мы называем «телом», и что первый естественным образом господствует над вторым, идет вразрез со всем, что мы знаем о науке познания. Подобное предположение, разумеется, ложно, но мы продолжаем его придерживаться по той простой причине, что без него все наши современные допущения о собственности, праве и свободе лишатся смысла[282]».

«Долг. Первые 5000 лет истории».

P.S. И совсем не случайно свободу, происходящую из рабства, взяла идеалом, и насильно распространяет по миру страна, занявшая роль Римской империи в современном мире, подчёркивающая преемственность с ней в своих учреждениях и символах. Дальше из Гребера: «...как отмечал Джованни Арриги (Arrighi 1994), расцвет британского капитализма был связан с мелкими семейными компаниями и финансовой аристократией; именно Америка и Германия, которые на протяжении всей первой половины XX столетия боролись за право занять место гегемона вместо Великобритании, создали современный бюрократический корпоративный капитализм».

Примечания

1 «Дигесты» 9.2.11, Ульпиан в 18-й книге «Комментариев к Эдикту». Здесь и далее перевод приводится по изданию: Дигесты Юстиниана: в 8 т. / пер. Т.А. Бобровниковой; отв. ред. Л.Л. Кофанов. М.: Статут, 2002.

2 Wirszubski 1950. Этимологию см. в: Benveniste 1963:262–272.

3 В хронике Уолтера из Хеминбурга (Walter of Guisborough 1957:216); см. Clanchy 1993:2–5.

4 Tuck 1979:49, ср. Tully 1993:252; Blackburn 1997:63–64.

Рекомендуем прочесть
